

ЯДОВА М.А.¹ МЕНТАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ И СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В работе анализируется влияние пандемии COVID-19 на состояние ментального здоровья и социально-трудовой потенциал российской и зарубежной молодежи. Пандемия стала кризисной ситуацией, во многом ограничивающей базовые права человека: право на здоровье и жизнь, право на социальную защиту и достойный труд, право на свободу и безопасность и др. Автор выделяет не только очевидно негативные последствия пандемии, но и ее необычный эмерджентный позитивный эффект, выразившийся в определенном оживлении общественной жизни и появлении новых повседневных онлайн-практик (трудовых, коммуникативных и пр.). Отмечается в целом успешный опыт адаптации молодежи к коронавирусному кризису, который может пригодиться старшим и последующим поколениям.

Ключевые слова: ментальное здоровье; социально-трудовой потенциал; трудовые стратегии; молодежь; права человека; пандемия COVID-19.

YADOVA M.A. Mental health and social and labour potential of youth in the context of the COVID-19 pandemic

Abstract. The paper reviews the impact of the COVID-19 pandemic on the state of mental health and social and labour potential of Russian and foreign youth. The pandemic has become a crisis situation, in many ways limiting basic human rights including the rights to health

---

¹ Ядова Майя Андреевна, заведующая отделом социологии и социальной психологии ИНИОН РАН, кандидат социологических наук.

and life, to social protection and decent work, to liberty and security, etc. The author highlights not only the obviously negative consequences of the pandemic, but also its unusual emergent positive effect, expressed in a certain revitalisation of social life and the emergence of new everyday online practices (labour, communication, etc.). The successful experience of young people adapting to the coronavirus crisis has been noted to be generally successful and may be of use to older and future generations.

Keywords: mental health; social and labour potential; labour strategies; youth; human rights; COVID-19 pandemic.

Для цитирования: Ядова М.А. Ментальное здоровье и социально-трудовой потенциал молодежи в условиях пандемии COVID-19 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 98–110. – DOI: 10.31249/tjpravo/2024.02.08

Введение

Негативные и долгосрочные последствия пандемии COVID-19 ощутили на себе представители всех социально-демографических групп в России и за рубежом. Пандемия привела к значительным сбоям в работе медицинских служб и колоссальной нагрузке на системы здравоохранения по всему миру. Экономические последствия пандемии в виде глобальной рецессии и усиления социального неравенства, по оценкам некоторых экспертов, придется преодолевать как минимум десять лет. Закрытие школ, колледжей и университетов на время локдаунов привело к серьезным проблемам в образовательной сфере. Введенное в качестве временной меры дистанционное обучение и проблемы с доступностью образовательных ресурсов для некоторых (прежде всего слаборесурсных) категорий молодежи усугубило снижение качества образования. Разумеется, пандемия вызвала изменения в нашей повседневной жизни, трансформировав характер социальных взаимодействий и разрушающе воздействуя на ментальное здоровье людей. Очевидно, что спровоцированные коронавирусом кризисом ограничения на перемещения и контакты между людьми, страх перед заболева-

нием, увеличение случаев депрессии, тревожности и потеря близких не могут способствовать психологическому благополучию.

По словам Генерального секретаря ООН А. Гутерриша, пандемия COVID-19 вызвала не только социальный и экономический кризис, но и кризис прав человека¹. На передовой борьбы с пандемией оказались такие базовые права человека, как право на жизнь, право на здоровье и право на свободу передвижения². В число принципов, являющихся основой социально-экономических мер противодействия пандемии, ООН включила важнейшие аспекты прав человека и соответствующие показатели контроля влияния распространившейся эпидемии на эту сферу. Перечислим их:

- право на здоровье и жизнь, особые меры защиты наиболее социально уязвимых групп населения, меры помощи и защиты, имеющие гендерную направленность;

- право на достоверную информацию и возможность участия в процессах принятия решений по вопросам противодействия пандемии;

- право на защиту от дискриминации, расизма и ксенофобии;

- право на социальную защиту и достойный труд;

- право на свободу и безопасность, справедливое судебное разбирательство и свободу передвижения;

- чрезвычайное положение и законодательство о чрезвычайном положении³.

Человечеству необходимо приложить немало усилий для восстановления и адаптации к условиям постковидного мира. Сегодня важно оценить масштаб и характер произошедших в ходе пандемии COVID-19 трансформаций, выделив наиболее адаптиро-

---

¹ См.: Гутерриш А. Пандемия и права человека. – URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/we-are-all-together-human-rights-and-covid-19-response> (дата обращения: 18.02.2024).

² Чебыкина Н.Р., Лямина К.А. Реализация прав человека в условиях пандемии COVID-19 // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 112–125; COVID-19 and Human Rights.

We are All in This Together. April 2020. – URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/2020/04/un_policy_brief_on_human_rights_and_covid_23_april_2020.pdf (дата обращения: 18.02.2024).

³ Issue paper on COVID-19 and Fundamental Principles and Rights at Work. – ILO, 2020. – P. 4.

ванные к эффектам пандемии группы населения. По мнению большинства специалистов, к одной из таких адаптированных социальных групп можно отнести молодежь, особенно ее наиболее сильноресурсную часть. Цель настоящей работы – выяснить, как российская и зарубежная молодежь пыталась адаптироваться и реализовать свои личные, социально-экономические и иные права в условиях новой коронавирусной реальности.

Прежде чем перейти к основным результатам исследования, поясним некоторые встречающиеся в статье категории. Под молодежью в данной работе будем прежде всего понимать представителей поколения миллениалов (от лат. *millennium* – тысячелетие) и центениалов (от англ. *centennial* – столетний): взросление первых, родившихся в середине 1980-х – 1990-е годы, пришлось на рубеж веков, вторых можно считать ровесниками XXI в., и они только вступают во взрослую жизнь. Что касается понимания термина «социальные ресурсы», то считаем целесообразным придерживаться традиционной для социальных наук трактовки, которая подразумевает, что успешность человека зависит от его личного капитала – определенного набора личностных и социальных ресурсов. Например, для нашей страны наиболее «сильными» ресурсами можно считать: стартовый капитал социального происхождения (статус родительской семьи); высокий уровень образования и профессиональной подготовки; относительное материальное благополучие; молодой возраст как естественный ресурс (впрочем, для некоторых социально уязвимых групп молодежи возрастные преимущества не вполне очевидны); наличие обширной сети межличностных связей; проживание в крупном городе; адаптивность и открытость новому опыту; адекватная самооценка¹.

Пандемия COVID-19 и ментальное здоровье молодежи.

Согласно общепринятому определению Всемирной организации здравоохранения, под ментальным (психическим) здоровьем понимается состояние благополучия, при котором человек может реализовать свой жизненный потенциал, а также способен спра-

---

¹ См.: Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: Возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? / под ред. Т.И. Заславской. – Москва : МВШСЭН, 2001. – С. 314–317.

виться со стрессами, эффективно и плодотворно работать и учиться, вносить полезный вклад в жизнь общества¹. Психическое здоровье – одно из базовых прав человека, имеющее ключевое значение для личного и общественного развития.

Вопреки распространенному мнению о том, что карантинные ограничения особенно разрушительно воздействовали на представителей старших поколений, важно отметить не менее болезненный эффект вынужденной самоизоляции для подростков и молодежи, для которых общение со сверстниками является жизненно важной частью социализации. Приведем результаты нескольких социально-психологических и медицинских исследований, свидетельствующих о неблагоприятном влиянии социальной депривации (лишении возможности общаться с другими людьми) на психическое здоровье юношей и девушек.

Так, ряд зарубежных и российских авторов, опираясь на внушительный массив социологических и статистических данных, отмечает характерные для многих молодых европейцев во время введения карантинных мер симптомы посттравматического стрессового расстройства, депрессии или повышенной социальной тревожности; причем девушки по сравнению с юношами, как правило, более психоэмоционально уязвимы². Многие молодые люди переживали из-за закрытия школ или университетов, опасаясь потерять привычные дружеские связи. Невозможность посещать школы, колледжи и университеты несла риск долгосрочных отри-

---

¹ См. подробнее статью о психическом здоровье на сайте ВОЗ: URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response> (дата обращения: 18.02.2024).

² Подробнее см.: Rapid Systematic Review : the Impact of Social Isolation and Loneliness on the Mental Health of Children and Adolescents in the Context of COVID-19 / Loades M.E., Chatburn E., Higson-Sweeney N., Reynolds Sh., Shafran R., Brigden A., Linney C., McManus M.N., Borwick C., Crawley E. // Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry. – 2020. – Vol. 59, N 11. – P. 1218–1239; Impacts of Lockdown on the Mental Health and Wellbeing of Children and Young People: Considering Evidence within the Context of the Individual, the Family and Education / Millar R., Quinn N., Cameron J., Colson A. – Glasgow : Mental health foundation, 2020. – 18 p.; Шматова Ю.Е. Психическое здоровье населения в период пандемии COVID-19: тенденции, последствия, факторы и группы риска // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 201–224.

цательных последствий для физического (расстройство сна, мало-подвижный образ жизни, несбалансированное питание и пр.) и психического (усиление тревожности, возникновение суицидальных мыслей и пр.) здоровья учащихся¹. В особенно ущемленном положении находится слаборесурсная часть молодежи (проживающие в малообеспеченных, неблагополучных семьях; терпящие домашнее насилие; имеющие хронические заболевания и т.п.), жизнь которой и до пандемии не была легкой. У этой части молодежи нередко имеются проблемы с доступом к дистанционному обучению и образовательным ресурсам. Вместе с тем, по мнению большинства исследователей, действенным способом борьбы со стрессом может стать интернет-терапия – онлайн-общение со сверстниками, ознакомление с достоверной информацией о пандемии и механизмах вакцинирования в Интернете, а в некоторых случаях возможность обращения к психологической и психиатрической помощи в дистанционном формате. В качестве других практических мер по улучшению психического состояния молодежи в периоды локдаунов некоторые исследователи также предлагали увеличить число специализированных молодежных онлайн-площадок для обсуждения пандемии и общения в целом. Стоит отметить, что это предложение успешно реализовалось на практике самой молодежью. Примечательно, что, по результатам опроса британско-американских исследовательниц Э. Орбен, Л. Томовой и С. Блэйкмор, юноши и девушки подтверждают, что онлайн-общение действительно их поддерживало во время пандемии, благотворно влияя на укрепление дружеских связей и помогая сделать жизнь разнообразнее и интереснее².

Социально-трудовой потенциал и трудовые стратегии молодежи в период пандемии. Реализация собственного социально-трудового потенциала – неотъемлемое право молодежи. Обычно под социально-трудовым потенциалом молодежи пони-

---

¹ См.: Youth Mental Health in the Time of COVID-19 / E. Power, S. Hughes, D. Cotter, M. Cannon // Irish Journal of Psychological Medicine. – 2020. – Vol. 37, N 4. – P. 301–305.

² См.: Orben A., Tomova L., Blakemore S.-J. The Effects of Social Deprivation on Adolescent Development and Mental Health // The Lancet. – 2020. – Vol. 4, N 8. – P. 634–641.

мают совокупность знаний, компетенций, навыков и ресурсов (не только профессиональных, но и социальных, личностных и т.д.), которыми обладает молодое поколение и которые могут быть использованы для участия в социальной и трудовой жизни общества. Эта категория включает в себя как индивидуальные качества и компетенции человека, так и возможности, предоставляемые обществом для их реализации. Элементами социально-трудового потенциала, как правило, считают уровень образования и профессиональной подготовки индивида, его трудовую и социальную активность, развитые социальные навыки и компетенции, его «ресурсоёмкость» (уникальный набор личностных и социальных ресурсов). Социально-трудовой потенциал молодежи является стратегическим ресурсом для развития общества, поскольку молодежь играет ключевую роль в формировании образа будущего.

По данным Международной организации труда, спровоцированная пандемией COVID-19 рецессия стала самым серьезным кризисом занятости, с которым пришлось столкнуться молодежи в новом тысячелетии¹. Так, в год начала пандемии, 2020-м, уровень безработицы среди молодежи моложе 25 лет был в 2 раза выше (8,7%), чем в более старших возрастных группах (3,7%)². При этом молодые женщины чаще мужчин сталкивались с потерей работы. К тому же за годы пандемии сильно выросла доля тех, кто относится к категории NEET-молодежи (в переводе с англ. «не работает, не учится и не проходит стажировку» = «Not in Employment, Education or Training»), и до настоящего момента этот показатель не вернулся к докризисному уровню. Часть молодежи не смогла завершить обучение из-за материальных проблем и сложностей с доступом к образовательным онлайн-ресурсам. По оценкам ЮНЕСКО, 24 млн детей и подростков из-за пандемии не были в состоянии закончить даже образование в школах. Данная тенден-

---

¹ ILO: an Update on the Youth Labour Market Impact of the COVID-19 Crisis. – 2021. – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_emp/documents/briefingnote/wcms_795479.pdf (дата обращения: 18.02.2024).

² Ibid. – P. 4.

ция особенно характерна для беднейших стран афро-азиатского региона и Латинской Америки¹.

В докладе Всемирного банка подчеркивается, что последствия пандемии COVID-19 существенно осложнили транзит от юности к взрослости и оказались катастрофическими для накопления человеческого капитала². Закрытие школ и проблемы с дистанционным обучением в некоторых школах привели к тому, что учащиеся забывали то, чему они научились раньше. Некоторые эксперты предполагают, что в результате негативного влияния пандемии на сферу образования сегодняшняя молодежь может потерять около 10% потенциальных заработков в будущем. В конце 2021 г. около 40 млн человек, включая молодые поколения, пострадали от вызванной пандемией безработицы. Во многих странах в 2021 г. примерно четверть юношей и девушек можно было отнести к категории NEET³. Нередко те, кто трудился в сфере розничной торговли или гостиничного бизнеса, попадали под «пандемийные» сокращения или по требованию работодателей уходили в вынужденный отпуск. Отчаявшиеся молодые специалисты в поиске рабочего места готовы были идти на сознательный демпинг или подвергать себя опасности, интенсивно работая в периоды карантинных ограничений⁴. Эти факторы создали условия для потенциальной прекаризации многих начинающих специалистов.

Вместе с тем результаты многих современных социальных исследований говорят о том, что часть молодежи (особенно обладающая весомыми социальными ресурсами) успешно адаптирова-

---

¹ См.: ILO: an Update on the Youth Labour Market Impact of the COVID-19 Crisis. – 2021. – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_emp/documents/briefingnote/wcms_795479.pdf (дата обращения: 18.02.2024). – P. 9–11.

² См.: Collapse & Recovery: How COVID-19 Eroded Human Capital and What To Do About It // The World Bank. – 2023. – 16.02. – URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/human-capital/publication/collapse-recovery-how-covid-19-eroded-human-capital-and-what-to-do-about-it> (дата обращения: 18.02.2024).

³ См.: Ibid.

⁴ См.: The COVID-19 Pandemic and Youth in Recent, Historical Perspective: More Pressure, More Precarity / R. MacDonald, H. King, E. Murphy, W. Gill // Journal of Youth Studies. – 2023. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13676261.2022.2163884?scroll=top&needAccess=true> (дата обращения: 18.02.2024).

лась к пандемии, научившись в некотором роде «управлять» новой коронавирусной повседневностью. Прежде всего речь идет о тех, чья деятельность в период пандемии позволила без особых потерь в зарплате перейти на полностью дистанционный или полудистанционный режим работы. Некоторые сферы деятельности (типа IT или научной работы) являются более приспособленными к подобному переходу. Примерная доля таких работников обычно достаточно мала и, по мнению экспертов, не превышает четверти от всего трудового коллектива¹.

В 2020 г. автором настоящей статьи было проведено социологическое исследование, в рамках которого изучались адаптационные стратегии представителей постсоветской молодежи в период пандемии COVID-19. Исходное предположение состояло в том, что присущая молодежи цифровая компетентность потенциально делает ее одной из наиболее адаптированных к пандемийным реалиям социальных групп в России. На основе результатов 20 индивидуальных полужформализованных глубинных интервью с представителями поколения миллениалов (18–34 лет; 11 юношей и 9 девушек) были выявлены используемые информантами в период карантина социальные практики, прежде всего с привлечением интернет-технологий. В исследовании участвовали жители Москвы и Московской области (студенты или выпускники вузов, молодые специалисты), располагающие достаточно «сильным» набором социальных ресурсов и имеющие опыт нахождения в режиме самоизоляции.

Как показали полученные результаты², многие информанты, несмотря на очевидные отрицательные эффекты карантинного времяпрепровождения, посчитали необходимым отметить положительные стороны локдаунов. Так, одни участники исследования отмечали высвободившееся время «на саморазвитие» (творческие хобби, чтение, виртуальные прогулки по музеям, занятия ино-

---

¹ См.: Чекмарев О.П., Лукичев П.М., Конев П.А. Факторы изменений рынка труда России под влиянием пандемии COVID-19 и стратегии адаптации работодателей // Экономика труда. – 2021. – Т. 8, № 4. – С. 333.

² Подробнее см.: Ядова М.А. Повседневные практики горожан в условиях пандемии COVID-19: российский и зарубежный опыт // Социология города. – 2023. – № 4. – С. 27–36.

странными языками и пр.) и отдых (онлайн-общение, просмотр фильмов, компьютерные игры), для других карантин дал возможность завершить дела, на которые раньше не было времени. Кто-то стал заниматься волонтерской деятельностью или записался на онлайн-курсы, начал делать ремонт на даче. Практически у каждого участника исследования появились любимые онлайн-практики и хобби, которые им хотелось бы оставить в своей жизни и после окончания пандемии COVID-19 (например, делать покупки в интернет-магазинах, общаться в Zoom, посещать онлайн-курсы).

Цифровая компетентность как дополнительный «антипандемийный» ресурс. Исходя из вышеизложенного, дополнительным конкурентным преимуществом в условиях пандемии можно считать цифровую компетентность. Несмотря на трудности, с которыми пришлось столкнуться современной молодежи, результаты ряда социальных исследований подтверждают, что эта социально-возрастная группа в целом оказалась готова к вызовам пандемии COVID-19, особенно наиболее вовлеченная в процессы цифровизации ее часть – сильноресурсные жители больших городов. У всех, кто был в состоянии освоить хотя бы минимальный набор цифровых навыков, в периоды вынужденной самоизоляции появилось достаточно много возможностей для общения, досуга, работы и преодоления бытовых трудностей¹.

Известно, что для нашей страны характерен значительный межпоколенческий «цифровой разрыв», подразумевающий неравенство в доступе к цифровым технологиям среди представителей разных поколений россиян: молодежь активно вовлечена в цифровую среду, тогда как старшее поколение нередко испытывает трудности в освоении и использовании новых технологий. Пандемия COVID-19 в некоторой степени способствовала его преодолению, поскольку сложившиеся жизненные обстоятельства буквально вынудили представителей старших поколений соприкоснуться со сферой ИТ. Интересные данные о степени цифровой компетентности разных поколений россиян в предпандемийный период приводит отечественный социолог и экономист В.В. Радаев².

---

¹ Ядова М.А. Указ соч.

² См.: Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. – Москва, 2019. – 224 с.

Напомним, что по разработанной им классификации сегодня в России представлено пять поколений. Они выделяются на основании исторических условий, которые были решающими при вступлении представителей этих поколений во взрослую жизнь. Формативный период мобилизационного поколения пришелся на 1941–1956 гг., поколения оттепели – на 1956–1964 гг., поколения застоя – на 1964–1984 гг., реформенного поколения – на 1985–1999 гг., поколения миллениалов – на 1999–2016 гг. Центениалы в силу юного возраста пока в эту классификацию не попали.

Согласно представленным В.В. Радаевым данным об уровне цифровой компетентности представителей разных российских поколений до пандемии (табл.), ожидаемо опережают всех миллениалы: в этой группе около 80% выходят в Интернет с мобильных устройств, еще больше (86%) проводят время в социальных сетях, каждый второй имеет опыт совершения онлайн-покупок. Близки к ним представители реформенного поколения, начавшие взаимодействовать с цифровой средой в зрелом возрасте. Скорее всего, постпандемийные условия жизни способствовали сокращению «цифрового разрыва» между этим поколением и миллениалами. Достаточно уверенно в цифровой среде чувствуют себя представители поколения застоя: около трети из них пользуются мобильным Интернетом, а больше половины взаимодействуют в социальных сетях. Слабую интернет-активность до пандемии демонстрировали представители поколения оттепели и мобилизационного поколения. Лишь некоторые из них считали необходимым пользоваться мобильным Интернетом (20% и 11,4% в обеих группах соответственно), проводить время в социальных сетях (35,2% и 18,9% соответственно), совершать покупки онлайн (29,6% и 17,6% соответственно). Судя по всему, российское мобилизационное поколение потеряно для освоения новых технологий: преодолеть цифровой барьер в состоянии лишь малое число пожилых россиян старше 80 лет (они, как правило, относятся к сильноресурсной страте). Отметим, что из всего набора цифровых практик наибольшей популярностью у всех поколений россиян пользуется посещение социальных сетей. Это говорит о том, что старшие поколения вслед за молодежью оценили преимущества онлайн-общения.

Таблица

**Использование Интернета представителями российских
поколений (за последние 12 мес.),
% от интернет-пользователей, N=14 943, 2016 г. ***

Поколения россиян	Выходили в Интернет с мобильных устройств	Совершали онлайн-покупки	Посещали социальные сети
Миллениалы	79,8	48,7	86,1
Реформенное поколение	59,9	42,9	69,3
Поколение застоя	32,3	29,7	55,4
Поколение оттепели	20	29,6	35,2
Мобилизационное поколение	11,4	17,6	18,9

* *Источник:* Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. – Москва, 2019. – С. 81.

Стоит отметить, что бóльшая вовлеченность молодежи в цифровые технологии по сравнению со старшими поколениями позволяет ей более объективно оценивать распространяющуюся информацию о пандемии, отсеивая фейки и слухи (реализация права на информацию). Например, в период пандемии по всему миру формировались сообщества молодых волонтеров, противостоящих в Интернете инфодемии – эпидемии ложных слухов, посвященных пандемии COVID-19 и вакцинации¹.

Заключение

Пандемия COVID-19 уникальным образом изменила пространство повседневной жизни, научив человечество особым практикам взаимодействия с окружающей средой. Молодежь, как в России, так и за рубежом, оказалась одной из наиболее адаптированных к изменившимся условиям жизни групп населения. Прежде всего это связано с высокой возрастной адаптивностью молодежи и ее глубокой вовлеченностью в цифровую среду, недаром поколения миллениалов и центениалов считаются первыми цифровыми поколениями в современном мире. Как продемонстри-

¹ См.: Youth & COVID-19: Impacts on Jobs, Education, Rights and Mental Well-Being : Survey Report. – Geneva, 2020. – 50 p.

ровали приведенные выше результаты социальных и статистических исследований, для значительной части отечественной и зарубежной молодежи (прежде всего для сильноресурсной страты) периоды локдаунов стали временем не только ограничений, но и новых возможностей. В то же время часть молодежи почувствовала себя «проигравшей пандемии», столкнувшись с ущемлением своих социально-трудовых прав или проблемами со здоровьем. Думается, что наряду с очевидно негативными последствиями пандемии можно выделить и ее эмерджентный позитивный эффект, выразившийся в определенном оживлении общественной жизни и появлении новых повседневных онлайн-практик (трудо-вых, коммуникативных и пр.). Опыт адаптации современной молодежи к пандемии COVID-19 стоит признать успешным – на наш взгляд, он может быть полезен старшим и последующим поколениям в новых кризисных и чрезвычайных ситуациях, с которыми, вероятно, человечеству еще предстоит столкнуться.